

Фигура перед ним была слегка размыта, но Мэн Ци пристально следил за ней, полностью поглощённый этим человеком. Водопад на скале был иллюзией, как и поля сражений, объятые пламенем. Он шёл за этим образом, шаг за шагом, ступая по его следам, преодолевая бесчисленные трудности и опасности, не испытывая гнева и не погружаясь в хаос воспоминаний, вызывающих галлюцинации.

Со стороны казалось, что с Мэн Ци что-то не так — лишь взгляд был странным.

Он шёл уверенно, обходя лужи на земле с точностью.

Однако это не могло ускользнуть от внимания Мо Ли. Заподозрив неладное, он начал незаметно наблюдать за реакцией Мэн Ци и вскоре обнаружил, что тот двигается строго по его следам, повторяя каждый шаг, включая скорость и силу нажатия.

Мо Ли внутренне напрягся и замедлил шаг.

Раньше, полагаясь на своё мастерство цингун, он не обращал внимания на разбросанные камни, легко перепрыгивая через них. Так обычно путешествуют странники, иначе в таких глухих местах можно потратить целый день, чтобы найти деревню.

С замедлением скорости расстояние между ними постепенно сокращалось.

Мо Ли естественным образом протянул руку и слегка потянул Мэн Ци.

Тот слегка вздрогнул.

— Лекарь?

Мо Ли не осмелился ответить. Он быстро проверил пульс, но не обнаружил признаков беспорядочного внутреннего дыхания.

Впереди оказалась заброшенная деревня, дома которой были полуразрушены и выглядели весьма ветхими.

Мо Ли быстро нашёл деревенский храм предков. Крыша здесь была ещё цела, и, хотя отсутствовала половина двери, они не боялись ночного холода.

Внутри храма повсюду лежала пыль, а стены были опутаны паутиной.

Мо Ли взмахнул рукавом, и внутренняя сила пронеслась по полу, очистив небольшой участок.

На алтаре больше не было табличек с именами предков, остались лишь пустые каменные основания и несколько заржавевших подсвечников.

Мо Ли также нашёл несколько сохранившихся циновок в укрытии за алтарём, которые, будучи сложенными вместе, могли служить временным ложем.

Всё это время Мэн Ци наблюдал за тем, как Мо Ли хлопочет. Он не понимал, что делает лекарь, а галлюцинации становились всё более частыми. Лица множества людей накладывались друг на друга, леса и города смешивались, и он уже почти не мог разобрать, что перед ним.

Мо Ли усадил Мэн Ци, затем снял поклажу и достал лекарственные травы.

— Ничего не видишь? — тихо спросил он, приближаясь к Мэн Ци.

Он внимательно осмотрел его глаза и заметил, что тот похож на человека, страдающего лунатизмом. Хотя глаза были открыты, он, казалось, ничего не видел.

Мэн Ци не ответил. Он протянул руку и точно схватил Мо Ли.

Мо Ли взглянул вниз и понял, что тот сознательно выводит что-то на его ладони, доказывая, что находится в сознании.

Ладонь слегка защекотало.

Честно говоря, таким образом было невозможно разобрать написанное. Простые иероглифы ещё можно было понять, но если их было много, это становилось проблемой. Мэн Ци явно не был тем, кто мог писать аккуратно, не соединяя штрихов.

Мо Ли, не видя другого выхода, начал сам выводить иероглифы на ладони Мэн Ци, сопровождая это жестами.

Так, с трудом, лекарь Мо наконец понял ситуацию Мэн Ци.

Он не слышал звуков, не видел ничего, или, точнее, видел только его.

Уши Мо Ли по какой-то причине начали гореть, но он не обратил на это внимания, так как, тщательно проверив пульс, не нашёл ничего подозрительного. Ему пришлось заняться приготовлением лекарства.

Покидая дикий базар, Мо Ли взял с собой небольшой глиняный горшок.

Он занимал место и был тяжёлым, но мог пригодиться.

Мо Ли не ушёл далеко. Он готовил лекарство в пределах видимости Мэн Ци, а воду они вместе нашли в деревенском колодце.

Колодец был закрыт камнем, и вода в нём не имела неприятного запаха, но её было очень мало, хватило бы только на четверых или пятерых.

В деревне не было явных следов разрушения, всё выглядело как результат долгого запустения. В разрушенных домах не осталось ничего полезного, похоже, что много лет назад, во время войны в провинции Юн, деревню покинули, и позже те, кто пытался здесь поселиться, из-за нехватки воды тоже ушли.

Мо Ли собрал немного гнилой древесины и вернулся в храм, чтобы развести огонь.

Мэн Ци оставался спокойным, по его выражению лица невозможно было понять, с какими трудностями он сталкивается. Он даже перестал пристально смотреть на Мо Ли, сидя с прямой спиной и безучастным лицом, наблюдая за галлюцинациями, возникающими перед ним.

Некоторые лица он узнавал, другие давно забыл.

Вдыхая постепенно распространяющийся аромат лекарства, знакомые имена мелькали в его сознании, и искажённые галлюцинации становились более плавными.

По мере того как воспоминания всплывали отрывочно, он понял: Мэн Ци, бывший главным советником при дворе династии Чу, знал о своей истинной природе. Когда они проходили мимо реки Байша, у него возникли разногласия с другими, и Ли Юаньцзэ не принял его стратегию. Тогда он, разозлившись, ускользнул из палатки, нашёл укромное место, превратился в своё истинное обличье и выкопал яму, чтобы удобно устроиться на ночь, полностью избавившись от гнева.

Из-за риска быть обнаруженным он редко так поступал.

Его истинный облик — песчанка — был бесполезен.

Кроме того, что он был маленьким и легко прятался, иногда он мог подслушивать разговоры.

— Но это могли сделать и мастера боевых искусств, не обязательно превращаться в песчанку.

К тому же, в своём истинном обличье он не обладал особыми способностями и едва мог защитить себя.

Его преследовали дикие кошки, кусали змеи, хватали хорьки и даже гнали целые колонии полевок.

Всё потому, что эта песчанка была толстой и выглядела очень аппетитно.

Конечно, те глупые существа, которые на него нападали, были быстро наказаны, когда толстая песчанка внезапно превращалась в человека, становясь для них огромным и непреодолимым существом. Это было довольно забавно.

Мэн Ци закрыл глаза, чувствуя, что упускает что-то важное.

Голова болела, и он не мог вспомнить.

У людей есть родители, и у духов, вероятно, тоже.

Но он не помнил их. Песчанки не часто встречаются в Центральных равнинах.

Галлюцинации и воспоминания появлялись не в хронологическом порядке, они были разрозненны. Некоторые были важными событиями, другие — просто пейзажами, увиденными с лошади.

То он видел падающий снег, то пруд, полный лотосов.

Низкие деревья и дикие склоны, реки и городские стены.

Северные земли и винные лавки Циньхуай.

У него когда-то были друзья, с которыми он, казалось, мог говорить обо всём, но после пьянки они становились чужими.

Запах лекарства становился всё сильнее, аромат трав превращался в горький привкус на корне языка.

Мэн Ци почувствовал, как кто-то похлопал его по руке. Он открыл глаза и снова увидел Мо Ли.

Прищурившись, он примерно определил, где находится горшок, и, следуя за рукой Мо Ли, дотронулся до него.

Он был горячим, и, приблизившись, горечь стала ещё ощутимее.

Мэн Ци, хмурясь, выпил лекарство, и галлюцинации наконец прекратились, постепенно застывая, но упрямо отказываясь исчезнуть, словно расплавленный воск.

— Как теперь?

Голос лекаря донёлся издалека, смутно, но он смог разобрать слова.

— Не очень. Кажется, я восстанавливаю воспоминания, и весь мир словно превратился в огромный калейдоскоп, от которого у меня глаза разбегаются, и я ничего не могу различить.

Мэн Ци говорил медленно, оставаясь совершенно спокойным, без тени паники.

— Голова болит?

— После лекарства стало лучше.

Мэн Ци продолжал ощущать прикосновения на запястье, его дыхание было ровным.

Незаметно для себя он начал чувствовать сонливость.

Когда Мо Ли закончил проверку пульса, он обнаружил, что его пациент просто сидит на циновке и засыпает.

Лекарь Мо осторожно убрал вещи, потушил огонь, выбросил остатки лекарства из горшка и поправил одежду Мэн Ци — когда тот превратился обратно в человека, он сделал это слишком поспешно, и одежда оказалась в беспорядке.

Закончив, Мо Ли остановился и задумчиво посмотрел на спящего.

Если бы не разрушенный храм, вся эта суэта напоминала бы тётку Гэ из аптеки, а бухгалтер Гэ, её муж, был именно таким — засыпал, не желая заниматься домашними делами, и его каждый раз поднимали и заставляли бегать по делам.

Лекарь Мо подумал, что не стоит спорить с пациентом по этому поводу.

Он выбрал место у входа, чтобы защититься от сквозняков, и закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

— Если есть кровать, можно лечь спать, если нет — можно медитировать.

Ночью, когда всё стихло, внутренняя сила Мо Ли совершила двенадцать циклов, и его сознание

погрузилось в дантьянь, духовная энергия текла по меридианам, циркулируя туда и обратно.

Затем часть энергии необъяснимо перетекла к Мэн Ци.

Обычно Мо Ли просыпался на рассвете, но на этот раз к полудню он всё ещё не подавал признаков жизни.

В деревне бродили бродячие собаки. Они не зашли в храм, только почуяв запах лекарства, осмотрелись и почувствовали, что внутри есть что-то, что внушало им страх.

Собаки, поджав хвосты, убежали, даже не оглянувшись.

<http://bllate.org/book/15299/1351845>